

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ГЛАГОЛОВ ВѢДАТИ И ВѢДѢТИ В ОБИХОДНОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVI–XVII ВЕКОВ

Вопрос о соотношении глаголов *вѣдати* и *вѣдѣти* на протяжении исторического развития русского языка представляет интерес как для исторической морфологии (с точки зрения отражения тенденции к сокращению числа глаголов атематического спряжения в русском языке), так и для исторической лексикологии и лексикографии русского языка, поскольку в процессе лексикографической работы (особенно в области исторической лексикографии русского языка) возникает проблема дифференциации этих двух глаголов. Настоящая статья посвящена сравнительному анализу употребления глаголов *вѣдати* и *вѣдѣти* в обиходном языке Московской Руси XVI–XVII вв. на материале картотеки Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв., хранящейся в Межкафедральном словарном кабинете имени проф. Б. А. Ларина филологического факультета СПбГУ.

Насколько позволяют судить данные исторической лексикографии и сравнение с другими славянскими языками, из двух глаголов: *ведати* (*вѣдѣть*) и *вѣдѣти*, имеющих один и тот же корень *věd-* индоевропейского происхождения и одно и то же основное значение 'знать', но различающихся по своему формообразованию (глагол *вѣдѣти* относится к атематическому типу спряжения, образуя формы настоящего времени путем присоединения соответствующих флексий непосредственно к глагольной основе; глагол *вѣдати* образует основу настоящего времени с помощью суффикса *-j-*) первичным является глагол *вѣдѣти*. Так, в языке древнейших славянских памятников письменности (X–XI вв.) зафиксировано свыше 800 употреблений глагола *вѣдѣти* и ни одного — глагола *ведати* (СС, с. 164), хотя приставочные глаголы, образованные от *вѣдати*: *повѣдати*, *исповѣдати*, *проповѣдати*, употреблялись в старославянском языке достаточно широко (СС: 268; 457; 524). «Slovník jazyka staroslověnského» отмечает наличие глагола *вѣдати* только в старославянских текстах, переписанных на Руси (две редакции Жития св. Вячеслава (Вацлава), Молитва св. Троице, Бе-

седы св. Григория Великого, папы римского), самый старший из которых датируется XIII в. (SJS, с. 374), при широком употреблении глагола *въдѣти* как в древнейших старославянских рукописях (Ассеманиево, Зографское, Мариинское евангелия, Супрасльская рукопись и др.), так и в более поздних памятниках, относящихся к разным региональным изводам древнеславянского литературного языка: болгарскому (Македонский апостол XII в.), сербскому (Шишатовачкий апостол XIV в.), русскому (Христинопольский апостол XII в.) (SJS, с. 375). Во всех современных славянских языках, кроме восточнославянских, со значением 'знать' представлен либо только глагол атематического спряжения: польск. *wiedzieć*, чешск. *vědět*, словацк. *vedieť*, верхнелужицк. *wjedžeć*, нижнелужицк. *wježeś*, словенск. *védeti*, либо глагол, имеющий другой корень, как в сербохорватском и болгарском языках (Фасмер, с. 283; Кореѣнѣ, с. 401). Более позднее появление глагола *въдати* «только на древнерусской почве» отмечает П. Я. Черных (Черных, с. 137) — наиболее ранняя его письменная фиксация относится к XII в. (Житие св. Афанасия Александрийского по Успенскому сборнику XII–XIII вв.) (СлРЯ XI–XVII, с. 43). Таким образом, есть все основания считать глагол *въдати* восточнославянским новообразованием.

Заслуживающим особого внимания представляется вопрос о различиях в сфере употребления и о семантических различиях глаголов *въдати* и *въдѣти* в обиходном языке Московской Руси XVI–XVII вв. Под обиходным языком Московской Руси здесь понимается, в соответствии с идеями Б. А. Ларина, наддиалектная система разговорной речи, складывавшаяся в Московском государстве с XV по XVII в. и отличающаяся от книжно-письменного церковнославянского языка¹. Эта разговорная речь Московской Руси нашла свое отражение в широком круге текстов, включенных в число источников картотеки Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Среди них официально-деловые памятники, памятники частно-деловой письменности, частная переписка, памятники посадской литературы (повести) XVI–XVII вв. и демократической сатиры XVII в., фольклорные тексты (записи былин и исторических песен XVI–XVII вв.), сборники пословиц XVII в.,

¹Ларин Б. А. Заметки о «Словаре обиходного языка Московской Руси» // Вопросы теории и истории языка: Сб. статей к 100-летию со дня рождения Б. А. Ларина. СПб., 1993. С. 5–6.

записи русской речи в словарях и разговорниках, составленных иностранцами в XVI–XVII вв.²

Если сравнить статистические данные по употреблению глаголов *вѣдати* и *вѣдѣти*, предоставляемые картотекой Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв., то очевидным станет количественное преобладание глагола *ведати* (358 употреблений по сравнению с 45 употреблениями глагола *ведѣти*). Особенности употребления обоих глаголов также являются весьма показательными.

Глагол *вѣдати* в своем первоначальном значении ‘знать, иметь сведения о ком-, чем-либо’³, которое обычно выделяется в словарях как первое, широко представлен в текстах всех жанров, отражающих обиходный язык XVI–XVII вв.: актах и деловых документах, грамотках и челобитных, статейных списках русских посольств за рубеж, воинских и посадских повестях и т. д., ср., например⁴: И язъ позабыль вѣры хрестьяньския всея и праздниковъ хрестияньскихъ, ни Велика дни, ни Рожества Христова не *вѣдаю*, ни среды, ни пятници не знаю (Х. Аф. Ник., с. 20, XV в.); Цену Анфим сам *вѣдает* (АФЗХ II, с. 207, 1547–1565 гг.); [английская королева Елизавета русским послам:] То де я и сама *ведаю*, что вам без государя своего ведома никоторого дела зделати нельзе (Ст. сп. Писемского, с. 141, 1582–1583 гг.); Подобаеть *вѣдати* и се, како чтити дѣтемъ отцовъ своихъ духовныхъ (Дм., 12, XVI в.); [казаки туркам:] Видим мы всех вас и до сих мест и про вас *вѣдаем* (Пов. Азов. ратн. сид., с. 65, 1642 г.); Пощади Мартын Василевич сироту своего потому что скудень и бѣден хлѣбъ позябъ весь а инои снѣгом запал самъ ты *вѣдаешь* гсдрь (Гр. № 136, 1696 г.) и др. Глагол *вѣдати* образует ряд устойчивых сочетаний и речевых формул делового языка, ср. *не знати, не вѣдати*: И меня [О. Лаптева] бѣднова пы-

²См. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Пробный выпуск. А — биться / Под. ред. О. С. Мжельской. СПб., 2003. С. 7. Список источников см. там же, с. 22–35.

³Материалу картотеки Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. в наибольшей степени соответствует семантическая схема, принятая для глаголов *вѣдати* и *вѣдѣти* СлРЯ XVIII (с. 240–243), на которую мы и будем ориентироваться с некоторыми оговорками в настоящей статье.

⁴Здесь и далее примеры из картотеки Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. приводятся в соответствии с принципами воспроизведения цитат, принятыми в словаре, см.: Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Пробный выпуск. С. 20.

тал [И. А. Аничков] и крстьянина твоево и в розспросе и с пытки тѣ же рѣчи *ни знаем ни въдаем* поклепаны напрасно (ПНРЯ, с. 70, XVII в.); И что ты гсдръ Федор Максимовичъ кручинисся на старостишку своево бутто я сирота твои принимал бѣглых и я сирота твои *ни знаю не въдаю*, принимал их прикащик (ИНРЯ, с. 231, 1671 г.); А на них [истцах] яз [Ерш] буду искать безчестия своего, и назвали меня худым человеком, а яз их не бивал и не грабливал и *не знаю, ни ведаю* (Ерш Ерш., с. 8, XVII в.); *дати (давати, подавати) въдати*: А что яз [И. Муклиман] вшей княжской млсти [кн. Л. А. Шлаковскому] своимъ писаниемъ *въдати даю* и объявляю (В-К II, с. 92, 1643 г.); Писал ко мне [гетману Д. Многогрешному]... князь Григорей Григорьевич Ромодановской... *подавая* по сем *ведать*, что от того ж вора... Разина 4 человека посланы... в малороссийские города (РД II-2, с. 124, 1670 г.). Последнее устойчивое сочетание, имевшее широкое распространение и в украинском языке XVI–XVII вв. (СЛУМ XVI–XVII, с. 124–125), возможно, появилось под влиянием польского языка, где аналогичная синтаксическая конструкция *dać (dawać) wiedzieć* фиксируется в письменных памятниках с начала XV в. (SSP, с. 16; 36).

Глагол *въдѣти*, напротив, демонстрирует ограниченную употребляемость в текстах обиходного русского языка XVI–XVII вв., что в первую очередь относится к его личным формам. В документах деловой письменности и частной переписке они употребляются почти исключительно в устойчивых сочетаниях, сохранившихся и в современном русском языке, таких как *не весть* или *Бог весть* со значением «неизвестно»: А на храмах [в монгольских землях] крестов нет: стоят на храмах *нивесть* (в издании слитно) какие звири каменные (Росп. Петлина, с. 43–44, 1619 г.); А на том судне высоко *ни весть* что бело (Там же, 55); А что гсдръ будет указъ и то *бгъ весть* (ПНРЯ, с. 37, XVII в.); А днги ннешние впред прочны л про то. [так!] *богъ въсть* а ннешние зимы во всяких торгѣх перед прежнимъ шли вчетверо (Гр. № 16, XVII в.); Гетман де ему, Борису, сказывал, что из малороссийских городех [так!] жители по се число к Стеньке Разину не хаживали, а впредь хто пойдут ли или нет, о том де *бог весть* (РД II-2, с. 111, 1670 г.); *Богъ въсть* что намъ ѣсть (Сим. Послов., с. 83, XVII в.), хотя, как это видно из сравнения с примерами из современного литературного языка: Проселок терялся с обоих концов *бог весть* куда (Д. В. Григорович. Проселочные дороги); [Риббентропу] *бог весть* почему показалось,

что он посмотрел в лицо... всей немецкой армии (Эм. Казакевич. Весна на Одере) (БАС², т. 1, с. 658), в языке XVI–XVII вв. глагольная форма сохраняет более широкое управление (предложное и беспредложное). Следует также отметить, что наряду с сочетанием *Бог въсть* в рассматриваемых текстах употребляется и сочетание *Бог въдает* с формой глагола *въдати*: Далѣ богъ ведаеть, что будеть (Хож. Аф. Ник., с. 23, XV в.); Королевич из Датцкой земли сюды к Москве приѣхаль чтоб ему кѣсареву доч понят толко бгъ въдает какъ то дѣлаецца (В-К II, с. 210, 1644 г.).

Ряд употреблений личных форм глагола *въдѣти* отмечается в пословицах, где их использование во многом обусловлено соображениями ритмической организации высказывания, рифмовки: Ёмъ а дѣла не въмъз (Сим. Послов., с. 160, XVII в.); Бѣси то въдятъ что бабы брѣдятъ (Там же, с. 79). Аналогичное употребление таких форм было зафиксировано и в XIX в. В. И. Далем, ср.: Ёмъ а дѣла не въмъз. И глухъ и нѣмъз, грѣха не въмъз. Чье пью да Ёмъ (чей хлѣбъ Ёмъ), того и въмъз (Даль, с. 338). Пословица сохраняет и форму 3-го лица единственного числа аориста глагола *въдѣти* с древнерусским окончанием *-тъ* (*-тѣ*): Тестъ ведеетъ честь а зять любитъ взять (Сим. Послов., с. 143), хотя контекст показывает, что здесь она воспринимается уже как форма настоящего времени по аналогии с соответствующей формой глагола *въдати* (*въдаецѣ*), а употребление формы *ведеетъ* обусловлено в данном случае стремлением сохранить равносложность обеих частей пословицы.

Личные формы глагола *въдѣти* употребляются и в литературных текстах, в которых в различной мере сочетаются элементы обиходно-разговорного языка Московской Руси и книжного церковнославянского языка, таких, как «Домострой», «Сказание» Авраамия Палицына и сочинения протопопа Аввакума, ср.: О сем нецыи глаголют, — истинно или ни, не веи, — яко сице сотвори розстрига крымскому царю, хотя его воздвигнути на брань, да изгубит христиан на велицех полях (Сказ. Авр. Пал., с. 114, нач. XVII в.). Но если Авраамий Палицын в целом ориентируется на нормы церковнославянского языка, то у Аввакума отмечается большее разнообразие в выборе языковых средств, что проявляется и в употреблении глаголов *въдати* и *въдѣти*. К устойчивым сочетаниям близко, как представляется, употребление формы 1-го лица ед. числа настоящего времени глагола *въдѣти* в его Житии: Мы же с Данилом, написав из книг выписки о сложении перст и о поклонех,

и подали государю; много писано было; он же, *не вем где*, скрыл их (Авв. Ж., с. 65, 1675 г.), ср. соврем. *невесть где* 'неизвестно, в каком месте' (БАС², т. 3, с. 54). Что же касается других случаев употребления Аввакумом глаголов *въдати* и *въдѣти*, то представляется, что выбор той или иной лексемы во многом определяется у него стилистическим фактором — когда ситуация требует использования языковых средств «высокого стиля» употребляется глагол *въдѣти*, в остальных случаях — глагол *въдати*, ср. в Книге бесед: Не вемы бо, доколе живот наш протянется, умилосердитлися владыка и даст ли нам та же чаша пить, ея же сам пил, и вас, рабов своих, напоил (Авв. Кн. бесед, с. 127, 1675 г.) и Почти-тко, никониян, как Василий Великий научает. Не *ведаешь*? А где тебе *ведать*. Всегда пьян и блуден, — прости, не то тебе на ум идет, как душу спасти (Авв. Кн. бесед, с. 134, 1675 г.).

Аналогичную картину показывают и письма Аввакума. И хотя в его словоупотреблении встречаются практически все грамматические формы глагола *въдѣти*, представляется очевидным, что выбор между глаголами *въдати* и *въдѣти* у него во многом обусловлен контекстом, в котором употребляется соответствующий глагол. Сходная ситуация наблюдается уже в более раннем памятнике — «Домострое», где глагол *въдѣти* употребляется лишь там, где речь идет о морально-нравственной стороне человеческой жизни, основанной на принципах христианского вероучения: Или не *въсте*, яко неправедници Царствия Божия не наследѣять, якож апостоль Павелъ рече (Дм., с. 20, XVI в.). В контекстах же, связанных с хозяйственной стороной жизни или отражающих разговорную ситуацию, употребляется исключительно глагол *въдати*: А одинакая жонка и дѣвка на государя лень прядут, а изреби и пачеси на себя, или какъ пригоже, а все бы *въдала* сама государыня которой дѣло какое дасть, и колке чего дасть, а издѣланово колке чего возьметъ, и исколка чего выдѣлано. и кто днемъ много ли мало здѣлаеть, то бы сама все знала (Дм., с. 41, XVI в.); И спросять [жену] о чемъ про кого, и учнуть ума пытати, ино отвѣчати, *невѣдаю* язъ того, ничего не слыхала и незнаю. и сама ненадобномъ не спрашиваю (Там же, 46).

Большой интерес представляют и свидетельства иностранцев об употреблении глаголов *въдати* и *въдѣти* в русском языке XVI–XVII вв. С одной стороны, иностранные источники по истории русского языка этого периода демонстрируют почти исключительное

употребление глагола *въдати*, если не считать случая употребления формы глагола *въдѣти* в Русской грамматике Г. В. Лудольфа в церковно-книжном контексте: Когда ученики Исвие розсердили ся что люди не хотѣли възпримать Господа, и желали что бы тии люди огнемь с небѣси погинули, спаситель скажетъ: не *въсте* какво духа дѣти есте (Лудольф, с. 74–75). С другой стороны, эти источники обнаруживают весьма архаичные грамматические формы глагола *въдѣти*, вышедшие из активного употребления в гораздо более ранний период. Так, Р. Джемс в своем словаре-дневнике фиксирует слово *vidi* (*види*) с переводом *I knowe* 'я знаю' (Джемс, с. 15b, 1618–1619). Исторически эта форма является 1-м лицом единственного числа древнего синтетического перфекта *вѣдѣ* с произношением *ѣ* как *и*, свойственным севернорусским говорам⁵. Разговорник Т. Фенне сохранил в составе устойчивого сочетания Бог *въдѣ* (ср. приведенное выше *Бог вестѣ*) форму аориста глагола *въдѣти*: Я не вѣдаю, чей тот товар; *Бог вѣдѣ*; купец у того товару пошел прочь (Разг. Фенне, с. 277, 1608 г.) (употребление аориста в такого рода пословичных выражениях встречается в некоторых индоевропейских языках). Представляется, что именно по причине своей архаичности эти формы утратили в языковом сознании говорящих связь с парадигмой глагола *въдѣти* и стали восприниматься как изолированные словоформы или как части устойчивого сочетания, обладающего определенной слитностью компонентов, что и позволило им сохраниться в живом употреблении.

Наконец, глагол *въдѣти* может употребляться и в посадской литературе XVII в., где он обычно стоит в ряду церковнославянских или архаичных лексем и грамматических форм, использование которых диктуется стилистическими задачами — служит средством речевой характеристики персонажа⁶, используется для создания комического эффекта в сатирических произведениях или, наобо-

⁵На это обратил внимание Б. А. Ларин, см.: Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.) // Ларин Б. А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб., 2002. С. 324. Еще одно предложенное Б. А. Лариным объяснение происхождения этой формы — из формы *видю* как параллельной к *ведаю* — предполагает контаминацию двух типов спряжения: тематического и атематического, но представляется менее вероятным.

⁶См.: Адрианова-Перетц В. П. У истоков русской сатиры // Русская демократическая сатира XVII века / Подгот. текстов, статья и комментарии В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд. М., 1977. С. 137.

рот, для придания тексту большей «литературности», ср.: [Лиса куру:] *Не вем* бо ты меня яко искушаеши, *не вем* и вправду меня не знаеши (Сказ. о кууре, с. 81, XVII в.); И глядяше кур прекрасный семо и овамо, и не *веды* себе водворитися камо, зане един никогда не живяше, и того ради сумнителен бяше (Там же, с. 79); Бедный же *веды* себе, что погибель ему будет от брата и от попа, и умысли себе смерти предати, бросися прямо с мосту в ров, хотя ушибьтиса до смерти (Пов. о Шемякин. суде, с. 21, XVII в.); Бог, отче, вся видит деяния наша: аще от человека утаим странствие наше, но он вся *весть*, обличения не требует (Пов. о Карпе Сутулове, с. 117, кон. XVII в.). Здесь формы глагола *вѣдѣти* сочетаются с книжно-церковнославянскими наречиями *семо*, *овамо*, *камо*, союзами *аще*, *зане*, числительным *един*, грамматическими формами имперфекта *глядяше*, *живяше*, *бяше* и аориста *умысли*, *бросися*, отсутствовавшими в живом русском языке XVII в., глагольными формами 2-го л. ед. числа настоящего времени *искушаеши*, *знаеши* с флексией *-ши*, которая в XVII в., скорее всего, была свойственна исключительно языку церковной книжности, ср. наблюдения М. А. Соколовой над языком «Домостроя»: «Если в первой его части (гл. 1–26), посвященной вопросам церковности и связанным с ней моментам поведения человека, в связи с содержанием употребляется лишь архаическая для той поры флексия *-ши* с целью придать содержанию соответствующее оформление, то во второй части (гл. 27–63), посвященной вопросам ведения хозяйства, наличествует лишь *-шь* как живая норма языка той эпохи»⁷.

В документах официально-деловой письменности употребление форм глагола *вѣдѣти* встречается крайне редко, причем здесь фиксируются только причастные формы: И жизнь свою строити... всякому человеку малаго чина и великаго *вѣдущим* истинное евангельское благочестие (Акты Пыскорского монастыря, л. 157, 1654 г.) (Цит. по Сл. Перм. с. 66). В этом случае, как можно предположить, употребление формы глагола вызвано содержанием монастырского документа, касающегося установлений, определяющих христианские нормы жизни, что требовало выбора соответствующих языковых средств. Еще одно употребление действительного причастия настоящего времени глагола *вѣдѣти*, отмеченное в сбор-

⁷Соколова М. А. Очерки по исторической грамматике русского языка. Л., 1962. С. 194.

нике документов, относящихся к разинскому восстанию: ... Новый вор и изменник донский козак Стенька Разин, с наставники и зломышленники такового зла, с перво своими советники, его волею и злодейству его приставшими; лукавое начинание его *ведущими* пособники, с Сенькою Паншинским... с Васьюкою Усом, с Олешкою Поляком, с Илюшкою Ивановым, с товарищи, яко Дафан и Авирон, да будут прокляти вси еретицы, анафема (РД III, с. 392–393, кон. XVII в.), относится к анафематствованию Степана Разина и его сподвижников, содержащемуся в Синодике конца XVII в., который отражает церковно-книжный, а не обиходный язык своего времени.

Что касается двух других значений, общих для глаголов *въдати* и *въдѣти* и тесно связанных с их первоначальным значением «знать»: (2.) ‘обладать познаниями в какой-либо области’, напр.: Я [И. Муклиман] нне в городе Риге десятой год... и мудрости гемуэтрия... *въдаю* (В-К II, с. 92, 1643 г.), и (3.) ‘осознавать что-либо, отдавать себе отчет в чем-либо’, напр.: Мы холопи твои измѣны своей никакой не *въдаем* [из челобитной брянских дворян и детей боярских царю Михаилу Федоровичу] (Южн. челоб., с. 20, 1622 г.), то у глагола *въдѣти* они представлены единичными употребленими, ср.: (2.) Десети члком торговым людем держат... *въдущево* карабелново знатца одевать и кормит со всѣм на своих проторех (В-К II, с. 98, 1643–1644 гг.); (3.) И падох на землю на лица своем, рыдаше горце и забыхся, лежа; *не вем*, как плачу; а очи сердечнии при реке Волге (Авв. Ж., с. 60, 1675 г.); И ту поляки станут без ума, *не ведуце*, что сотворити: како прейти или како минути [непроходимое место] (Сказ. Авр. Пал., с. 117–118, нач. XVII в.); Постави на главѣ его копръ *не въдуцу* емоу (Леч. Шук., 290, л. 91, XVII–XVIII вв.). Как видно из приведенных примеров, формы глагола *въдѣти* употребляются или в текстах, явно имеющих книжно-славянскую окраску (Сказание Авраамия Палицына, некоторые части Жития протопопы Аввакума, Указ как лечити больных людей), или в деловых текстах (Вести-Куранты), но в последних имеется только причастная форма, к тому же близкая к переходу в разряд имен прилагательных, ср. современное *сведущий* «имеющий большие познания в какой-либо области, хорошо осведомленный о чем-либо».

В деловых текстах можно обнаружить и контаминированную причастную форму, объединяющую формообразовательные пока-

затели двух глаголов: И костромские книги записные полонъные присылаютце л к Москве с Костъромы и списки с них оставляють ли в том городе и в ыных или нет чтоб *ведуущаго* человека достоверице пожалуи отпиши обо всем ко мне через почту (Гр. № 171, 1697 г.). Здесь следовало бы ожидать форму *ведуущаго* (*въдѣти*) или *ведаущаго* (*въдати*).

Картотекой Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII вв. не зафиксированы другие употребления глагола *въдѣти* в текстах официальной и деловой письменности, частной переписки и других свидетельствах обиходного русского языка XVI—XVII вв. помимо указанных выше, если не считать одного случая ошибочного употребления глагола *въдѣти* вместо глагола *видѣти*: И я [Никита Леонтьев]... пошел къ заутрене и стал на улицу воротишка отворят и ворота не отворяются и я обошел на улицу другимъ двором и осмотрю [так!] воротишка связаны большие и малые вмѣсто [так!] веревкою пенковою и у колоколца веревка оторвана... и я собрал стороннихъ людей и они то *въдели* [видели] и я имъ заявил (МДБП, с. 87–88, 1674 г.). Подобные случаи нередко имели место и в древнейших старославянских текстах (Зографское, Мариинское, Остромирово евангелия, Саввина книга и др.) (СС: 164; SJS: 375).

Особо следует сказать о значении 'управлять кем-, чем-либо, иметь в своем ведении кого-, что-либо'. В письменности Северо-Восточной Руси это значение глагола *въдати* впервые фиксируется в середине XIV в.: А хто моихъ боярь иметь служити у моее княгини, а волости имуть *въдати*, дають княгинѣ моеи прибытька половину (Духовная грамота великого князя Московского Семена Ивановича, 1353 г.) (Срезн. Материалы, с. 478). Для сравнения следует сказать, что в староукраинских и старобелорусских памятниках первые употребления глагола *въдати* в этом значении датируются серединой — концом XV в. (ССМ, с. 227; ГСБМ, с. 50). Это значение получает широкое распространение в обиходном языке Московской Руси XVI—XVII вв. (достаточно сказать, что из 358 употреблений глагола *въдати*, зафиксированных картотекой Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII вв. на это значение приходится 77 употреблений при 264 употреблении глагола в основном (первом) значении), где у него развивается ряд оттенков: 'иметь кого-либо в подчинении, обладать административной властью в отношении кого-либо', напр.: Не велѣно ему

[новгородскому митрополиту] архимаритовъ, и игуменовъ, и строителейъ съ братьею, и слугъ и крестьянъ монастырскихъ ни въ какихъ управныхъ дѣлахъ *вѣдать* (Д. Новг. мит. Кипр., с. 5 1627–1633 г.); ‘руководить каким-либо государственнымъ учреждением’, напр.: У нашего... государя, царя и великого князя, Иван — человекъ приказной, печатник, да ему ж приказана государева казна *ведати* с казначеем с Никитою Фуниковым (Ст. сп. Новосильцева, с. 72, 1570 г.); ‘наблюдать, надзирать за чем-либо, следить за сохранностью чего-либо’, напр.: А мне [Иван Неронов] отецъ духовной был; я у него все и жил в церкви: егда куды отлучится, ино я *ведаю* церковь (Авв. Ж., с. 65, 1675 г.); Пирь дѣлать пожитки свои *вѣдать* (Сим. Послов., с. 133, XVII в.). В этомъ значении глагол *вѣдати* входитъ также в составъ ряда устойчивыхъ сочетаний: *вѣдать и беречь (держать)*, напр.: А *вѣдает и держит* Илемну игуменъ троецкой з братьею по старинѣ (АСЭИ I, с. 250, 1466–1467 г.); И та лишняя земля отписано на гсдря цря и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси и приказана *вѣдат и беречь* тутошнимъ и староннимъ людем с порукою да гсдрва указу (Курск. отк. кн., с. 152, 1636 г.); *вѣдать и судить*, напр.: *Вѣдает и судит* то село и деревни игуменъ Никон, или кому прикажет, оприснь душегубства (АСЭИ I, с. 40, 1411 г.); *ведать расправой (судом, судом и расправой)*, напр.: Да по твоему, государь, указу во Псковѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ *судомъ* велѣно *вѣдати* намъ, холопомъ твоимъ [отписка псковского воеводы князя Н. Мезецкого с товарищами царю Михаилу Федоровичу] (Пск. писц. кн. II, с. 39, 1632 г.); Не вели гсдрь [царь Федор Алексеевич] вневскому воеводѣ Даниле Головачеву тулскихъ моихъ [И. А. Бутурлина] вотчинак... *судом и расправою вѣдат* ни в какихъ делѣхъ а *ведат* вели гсдрь во всемъ на Туле тулскому воеводе (МДБП, с. 101, 1678 г.); А строить тотъ монастырь и служекъ и крестьянъ *расправою вѣдать* и отъ сторонъ оберегать Роману Акинфова (А. Углич., с. 8, 1683 г.).

Что же касается глагола *вѣдѣти*, то Словарь русского языка XI–XVII веков и Словарь русского языка XVIII в. не отмечаютъ у него значения ‘управлять’ (СлРЯ XI–XVII, с. 45–46; СлРЯ XVIII, с. 242–243). Картотекой Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. не зафиксировано ни одного употребленія личныхъ формъ этого глагола в значении ‘управлять кем-, чем-либо, иметь в своемъ ведении кого-, что-либо’. Не отмечается подобное употребленіе этого глагола и в староукраинскихъ текстахъ (ССМ,

с. 227; СЛУМ XVI–XVII, с. 124–126). Исторический словарь белорусского языка приводит лишь одно употребление глагола *вѣдѣти* в значении ‘управлять, иметь в своем распоряжении, под своим надзором’: А *вѣдѣти* повинны тые люди Борсуковскіе св. Пречистой Печерскій монастырь (1506 г. — ГСБМ, с. 53).

Но следует сказать, что формы, морфологически являющиеся страдательными причастиями настоящего времени этого глагола, используются достаточно широко (12 употреблений) в значении ‘быть в чем-либо ведении, управлении’, которое фактически соответствует пассиву глагола *вѣдати* в значении ‘управлять’, ср., например: А *вѣдомы* въ томъ Приказѣ [Большого Дворца] дворы, Сытенной, Кормовой, Хлѣбной, Житенной, и дворовые люди (Котошихин, с. 72, 1666–1667 гг.); О томъ указали мы великий государь въ города, которые въ новгородскомъ приказѣ *вѣдомы*, послать наши. . . грамоты съ подкрѣплениемъ (А. Кунг., с. 40, 1678 г.). Такие причастные формы употребляются и в устойчивых сочетаниях, соответствующих приведенным выше сочетаниям с глаголом *вѣдати*, ср. *быть ведомым и судимым*: И имь [торговым и посадским людям] велѣно искати, на Москвѣ и въ городѣхъ, у боярь и воеводъ и у приказныхъ людей, гдѣ кто *вѣдомъ и судимъ* (Котошихин, с. 116, 1666–1667 гг.).

Такое использование данных форм можно объяснить неупотребительностью собственных страдательных причастий настоящего времени глагола *вѣдати* — формы *вѣдаемъ (*вѣдаемый) отсутствуют в картотеке Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв., не представлены они и в исторических словарях русского языка. В силу того, что глаголы *вѣдати* и *вѣдѣти* при наличии общего корня различаются только типом словоизменения, фактически отсутствующие в парадигме одного глагола формы легко могли быть замещены соответствующими формами другого глагола. Но это создает определенные трудности при лексикографической интерпретации формы *вѣдомъ*. В исторических словарях русского языка эта форма обычно определяется как прилагательное, хотя такое определение представляется в значительной степени условным, поскольку трудно установить тот момент в процессе развития языка, когда причастие утратило свои глагольные свойства и полностью перешло в разряд прилагательных. Следует отметить, что грамматическая характеристика слова *вѣдомый* как имени прилагательного имеет давнюю традицию в отечественной

лексикографии. Это имело место уже в словопроизводном Словаре Академии Российской несмотря на то, что оба определенных для этой лексемы значения толкуются посредством причастных форм: «знаемый, известный» и «находящийся под чьим управлением» (САР¹, с. 969–970; ср. то же в САР², с. 1029). Как представляется, такое решение было в значительной степени мотивировано тем, что в русском литературном языке конца XVIII–XIX вв. личные формы глагола *вѣдѣти* окончательно вышли из употребления, сохранившись только в языке церковных текстов, ср. пометы «Славянское» (САР², с. 1030), «Церковное» (Сл. 1847 г., с. 245) (все иллюстрации в этих словарях взяты из церковнославянских переводов библейских книг). Образованное же от этого глагола причастие *вѣдомый* в языке сохранилось и получило дополнительное значение, отсутствовавшее у исходного глагола, в связи с чем оно и стало восприниматься как отдельная лексема, хотя фактически в этом новом значении слово *вѣдомый* выступает в функции страдательного причастия настоящего времени глагола *вѣдати* (*ведать*).

В Словаре русского языка XI–XVII вв. все формы, генетически являющиеся страдательными причастиями настоящего времени глагола *вѣдѣти*, приводятся в статье на прилагательное *вѣдомый*, причем для него устанавливается только одно значение ‘пользующийся известностью; тот (то), о ком (о чем) осведомлены; тот, кто осведомлен’; краткие формы, употребляющиеся предикативно, даются в этой же статье, но за чертой употребления с пометой «в значении сказуемого» (*быти вѣдомым*) и для них устанавливается еще ряд значений, среди которых и ‘быть, находиться в ведении, в подчинении’ и ‘быть отнесенным куда-либо, к чему-либо в административно-хозяйственном отношении’ (СлРЯ XI–XVII, с. 48–49).

Сходным образом поступает и Словарь русского языка XVIII в., где, правда, для лексемы *вѣдомый* определяются три значения: ‘известный, знакомый’, ‘отъявленный, заведомый’ (*вѣдомый вор*) и ‘находящийся в чьем-либо ведомстве, ведении’, причем иллюстрации, приводимые к последнему значению, весьма сходны с приведенными выше примерами XVII в., ср.: Всякое публичное строение было в ведомстве Канцелярии от строений, где архитекты, мастера и протчие подлежащие к тому служители *были вѣдомы* (Должность Архитектурной экспедиции, с. 97, 1737 г.); А судом де они Башкирцы *вѣдомы* на Уфѣ, а пришлые люди *вѣдомы* в Тобол-

ску (Памятники сибирской истории, 79, 1700-1713 гг.) (СлРЯ XVIII, с. 244). Что касается первого и второго значений, то и в текстах обиходного русского языка XVI–XVII вв. уже наблюдается тенденция к адъективации причастия *вѣдомый* в соответствующих значениях, ср. 'такой, о котором имеются сведения; известный; знакомый': И для того б его графской млсти добро поберечись и своихъ гонцов посылать *вѣдомыми* мѣстами с опасеньемъ (В-К II, с. 107, 1644 г.); 'пользующийся определенной, как правило дурной, репутацией': И тебе гддрь про то извезна что арляня дети боярские *ведомые* воры и плуты (ПНРЯ, с. 28, XVII в.). Но в третьем значении представляется очевидным сохранение данными формами лексического значения и синтаксической сочетаемости глагола, от которого была образована соответствующая причастная форма (по крайней мере, в приведенных выше примерах из текстов XVII в.).

Наиболее корректной с исторической точки зрения представляется грамматическая характеристика лексемы *вѣдомый* в Словаре русского языка под редакцией проф. Я. К. Грота (впоследствии под ред. акад. А. А. Шахматова): страдательное причастие церковнославянского глагола *вѣдѣти* со значениями 'знаемый, известный' и 'находящийся под чьим-либо управлением; подведомственный' (Грот, с. 739), если учесть, что глагол *вѣдѣти* не генетический, а стилистический церковнославянизм.

Но все же, учитывая, что в Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. причастия и деепричастия рассматриваются как формы глагола⁸, приведенные выше употребления причастия *вѣдомый* необходимо включить в словарную статью соответствующего глагола. На основании морфологических показателей это причастие следует считать формой глагола *вѣдѣти*, что не соответствует его лексической семантике, поскольку и данные картотеки Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв., и данные других исторических словарей русского языка свидетельствуют, что данный глагол во всей совокупности своих форм не имел значения 'управлять'.

Представляется, что есть две возможности разрешения этого противоречия. Если приоритетным считать морфологический фактор, то данные употребления причастия *ведомый* следует включить

⁸Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Пробный выпуск. С. 11.

в словарную статью **вѣдѣти**, выделив у этого глагола значение 'управлять кем-, чем-либо, иметь в своем ведении кого-, что-либо' и указав, что в этом значении глагол употребляется исключительно в форме страдательного причастия настоящего времени. Или же можно рассматривать причастие *вѣдомый* в словарной статье **вѣдать**, особо оговорив, что в функции страдательного причастия настоящего времени этого глагола выступает соответствующее причастие глагола *вѣдѣти*. Но такое решение представляется менее удачным, поскольку в этом случае в одной словарной статье окажутся объединены формы двух различных лексем, а формы, морфологически принадлежащие одной лексеме, окажутся разделенными между двумя словарными статьями. В словарях современного русского литературного языка и диалектных словарях, начиная со словаря В. И. Даля (Даль, с. 338), формы глагола *вѣдѣти* часто включаются в словарную статью **вѣдать**, иногда с указанием на их происхождение (Грот, с. 739; БАС¹, с. 110), иногда без всяких оговорок (СРНГ, с. 90; АОС, с. 73)⁹, но это можно объяснить отсутствием в системе современного русского языка глагола *вѣдѣти*. В историческом же словаре, имеющем целью описание лексической системы обиходного русского языка XVI–XVII вв., такое объединение может показаться неоправданной модернизацией, учитывая, что глагол *вѣдѣти* в данную эпоху еще функционирует как полноправная единица языка и сохраняет полную парадигму словоизменения, хотя сфера его употребления уже существенно ограничивается.

На основании приведенных выше фактов можно сделать следующие выводы. В XVI–XVII вв. глагол *вѣдѣти* уже не находился в активном употреблении обиходного русского языка того времени, получившем свое отражение в текстах деловой письменности и частной переписки, если не считать отдельных его форм в составе устойчивых сочетаний и пословиц. Во всех значениях его заменил однокоренной глагол *вѣдати*, имевший продуктивный тип словоизменения, в то время как глагол *вѣдѣти* употреблялся преимущественно в литературных текстах, ориентированных на церковнославянскую норму (Сказание Авраамия Палицына) или широко использующих в своем составе церковнославянские языковые

⁹Некоторые словари выделяют сохранившиеся в современном русском литературном языке изолированные формы глагола *вѣдѣти* в отдельные словарные статьи (например, статья *весть*² — Ушаков, с. 262; БАС², т. 2, с. 149).

средства (сочинения протопопа Аввакума, произведения посадской литературы XVI–XVII вв.). Глагол *въдѣти* нельзя, конечно, считать церковнославянизмом, поскольку он изначально входил в лексическую систему древнерусского языка, и факты грамматически правильного употребления его личных форм отмечаются в отдельных русских диалектах вплоть до настоящего времени, ср.: *Не вем, кому собирам [имущество], сами обои хилы. Платьев много было раньше, оне лежат, лежат, так с тем и долежались, не вем, кому копим* (Уральская обл., Чапаевский р-н) (СРНГ: 90); *Троје носки да двойе рукавици... пошлѣш, а сколько дома связала, так ы не вем* (Архангельская обл., Приморский р-н, д. Пушлахта) (АОС: 73). Но, как представляется, в «нормализованном языке»¹⁰ деловой письменности Московской Руси глагол *въдѣти* воспринимался уже как архаизм и приобретал соответствующие стилистические коннотации.

Единственной формой глагола *въдѣти*, сохранившейся в активном употреблении обиходного русского языка XVI–XVII вв., является страдательное причастие настоящего времени *въдомый* (*въдом*), но в большинстве своих значений оно фактически уже перешло в разряд имен прилагательных. В значении же 'находящийся под чьим-либо управлением' причастие *въдомый* по причине неупотребительности соответствующего причастия глагола *въдати* принимает на себя функции страдательного причастия настоящего времени также и этого глагола.

Сокращения¹¹

Авв. Ж. — Житие протопопа Аввакума, им самим написанное // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное и другие его сочинения. Подготовка текста и комментарий Н. К. Гудзия, В. Е. Гусева, А. И. Мазунина, В. И. Малышева, Н. С. Сарафановой; под. общ. ред. Н. К. Гудзия. М., 1960. С. 53–122.

Авв. Кн. бесед — Аввакум. Книга бесед // Там же. С. 123–148.

А. Кунг. — Кунгурские акты XVII в. (1668–1699 гг.) / Издание А. Г. Кузнецова. СПб., 1888.

¹⁰См.: Ларин Б. А. Разговорный язык Московской Руси // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание (Избранные работы). М., 1977. С. 170–171.

¹¹Здесь указываются только источники картотеки Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.

- АОС — Архангельский областной словарь. Вып. 3. М., 1983.
- АСЭИ I — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 1. М., 1952.
- А. Углич. — Шумаков С. Угличские акты (1400–1749 гг.) // Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских. 1899. Кн. 1. Отд. 1. С. 1–208.
- АФЗХ II — Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. II / Подготовил А. А. Зимин. М., 1956.
- БАС¹ — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 2. М., 1951.
- БАС² I–III — Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. Гл. ред. К. С. Горбачевич. Т. I–III. 2-е изд., переработанное и дополненное. М., 1991–1992.
- В-К II — Вести-Куранты. 1642–1644 гг. / Изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина; под ред. С. И. Коткова. М., 1976.
- Гр. — Грамотки XVII — начала XVIII в. / Изд. подгот. Н. И. Тарабасова и Н. П. Панкратова; под ред. С. И. Коткова. М., 1969.
- Грот — Словарь русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук. Вып. 2. / Под ред. Я. К. Грота. СПб., 1892.
- ГСБМ — Гістарычны слоўнік беларускай мовы / Гл. ред. А. І. Жураўскі. Т. 3. Мінск, 1983.
- Даль — Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля: В 4 т. 2-е изд. Т. I. СПб., 1880 (фотомеханическое издание — М., 1935).
- Джемс — Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.) // Ларин В. А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб., 2002. С. 175–508.
- Дм. — Домострой / Изд. подгот. В. В. Колесов и Т. В. Рождественская. СПб., 1994.
- Д. Новг. мит. Кипр. — О «неправдах и непригожих речах» повгородского митрополита Киприана. Сообщил А. Н. Зерцалов // Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских. 1896. Кн. 1. Отд. 1. С. 1–28.
- Ерш Ерш. — Повесть о Ерше Ершовиче // Русская демократическая сатира XVII в. / Подгот. текстов В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1954. С. 7–19.
- ИНРЯ — Котков С. И., Панкратова Н. П. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII — начала XVIII века. М., 1964.
- Котошихин — Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. 2-е изд. СПб., 1859.

Курск. отк. кн. — Курская отказная книга. 1630–1654 гг. // Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги / Изд. подгот. С. И. Котков, Н. С. Коткова. М., 1977. С. 136–176.

Леч. Шук. — Указ как лечити больных людей. Рукопись конца XVII — начала XVIII в. ГИМ. Собр. Шукина № 290.

Лудольф — Лудольф Г. В. Русская грамматика. Оксфорд, 1696 / Переиздание, пер., вступ. статья и примеч. Б. А. Ларина // Ларин Б. А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб., 2002. С. 509–658.

МДБП — Московская деловая и бытовая письменность XVII в. / Изд. подготовили С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М., 1968.

ПНРЯ — Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия / Изд. подготовили Н. И. Тарабасова, С. И. Котков. М., 1965.

Пов. Азов. ратн. сид. — «Поэтическая повесть» об азовском осадном сидении 1642 г. // Воинские повести Древней Руси / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.-Л., 1949. С. 57–81.

Пов. о Карпе Сутулове — Повесть о Карпе Сутулове // Русская демократическая сатира XVII в. / Подгот. текстов В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1954. С. 114–120.

Пов. о Шемякин. суде — Повесть о Шемякином суде // Там же. С. 20–29.

Пск. писц. кн. II — Псков и его пригороды. Кн. II // Сборник Московского архива министерства юстиции. Т. 6. М., 1914.

Разг. Фенне — Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov 1607. Vol. II: Transliteration and Translation / Ed. L. L. Hammerich, R. Jakobson. Copenhagen, 1970.

РД II-2 — Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сборник документов. Т. II. Ч. 2: 1670–1671 гг. М., 1959.

РД III — Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сборник документов. Т. III: Подавление восстания, казнь С. Разина и позднейшие отголоски движения (с января 1671 г.). М., 1962.

Росп. Пеглина — Роспись Китайскому государству, и лобинскому, и иным государствам, жилым и кочевным, и улусам, и великой Оби, и рекам и дорогам // Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Первые русские дипломаты в Китае. М., 1966. С. 41–58.

САР¹ — Словарь Академии Российской. Ч. I. СПб., 1789 (репринтное издание — М., 2001).

САР² — Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. Ч. I. СПб., 1806.

Сим. Послов. — Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий. Собрал П. Симони (Сборник Отде-

ления русского языка и словесности имп. Академии наук. Т. 66). СПб., 1899.

Сказ. Авр. Пал. — Сказание Авраамия Палицына / Подгот. текстов О. А. Державиной и Е. В. Колосовой; под ред. Л. В. Черепнина. М.; Л., 1955.

Сказ. о куре — Повесть о куре и лисице // Русская демократическая сатира XVII в. / Подгот. текстов В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1954. С. 73–106.

Сл. 1847 г. — Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук. Т. I. СПб., 1847.

Сл. Перм. — Словарь пермских памятников XVI — начала XVIII века / Сост. Е. Н. Полякова. Вып. I. Пермь, 1993.

СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2. М., 1975.

СлРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 2. Л., 1985.

СлУМ XVI–XVII — Словник української мови XVI — першої половини XVII ст. Вип. 6. Львів, 1999.

Срезн. Материалы — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I. СПб., 1893.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 4. Л., 1969.

СС — Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.

ССМ — Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. у двох томах. Т. I. Київ, 1977.

Ст. сп. Новосильцева — Статейный список И. П. Новосильцева // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. М.; Л., 1954. С. 63–99.

Ст. сп. Писемского — Статейный список Ф. А. Писемского // Там же. С. 100–154.

Ушаков — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова: В 4 т. Т. I. М., 1935.

Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. I. М., 1964.

Х. Аф. Ник. — Хожение за три моря Афанасия Никитина. 1466–1472 гг. / Под ред. Б. Д. Грекова и В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1958.

Черных — Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. 2-е изд.: В 2 т. Т. I. М., 1994.

Южи. челоб. — Памятники южновеликорусского наречия. Челобитья и расспросные речи / Изд. подгот. С. И. Котков, Н. С. Коткова, Т. Ф. Ващенко, В. Г. Демьянов. М., 1993.

Корецнý — Корецнý F. Základní všeslovanská slovní zásoba. Praha, 1981.

SJS — Slovník jazyka staroslověnského / Hlavní redaktor J. Kurz. 7. Praha, 1963.

SSP — Słownik staropolski. Redaktor naczelny Stanisław Urbańczyk. T. II. Zeszyt 1 (7). Warszawa, 1956.